

Два дискурса – «Future in the Past» и «Future of the Past» – раскрывают суть процессов взаимодействия прошлого, настоящего и предстоящего, существования наследия, возможности его сохранения как системы идентичности, встраивания в современную жизнь. Они позволяют спрогнозировать то, что подлежит сохранению – будущую жизнь наследия, а также представить художественно-проектные реалии как прямые «забросы» в будущее, учитывают их способность постоянно пребывать в прошлом, настоящем и будущем, быть предвидением и реальностью одновременно.

Ключевые слова: брендинг территории; дизайн-код места; прогнозирование; идеальные города; «заброс» в будущее из прошлого; советский модернизм./

Two discourses – ‘Future in the Past’ and ‘Future of the Past’ – reveal the essence of the processes of interaction between the past, present and future, the existence of heritage, the possibility of its preservation as a system of identity, and its incorporation into contemporary life. They allow to foresee what is to be preserved, that is, the future life of heritage, and also to present art and design realities as direct ‘throws’ into the future, taking into account their ability to be constantly in the past, present and future, to be anticipation and reality at the same time.

Keywords: territory branding; design code of place; foresight; ideal cities; ‘throwing’ into the future from the past; Soviet modernism.

Будущее в прошедшем и будущее прошедшего / Future in the Past and Future of the Past

Культурное наследие, будучи актуальным дискурсом времени, всеобъемлюще исследуется в современных научных разработках, широко используется в различных практиках и имеет немаловажное значение для самоидентификации, сохранения и воспроизводства национальной памяти. Складывающееся вместе с тем новое осознание сути и назначения культурного наследия, принимает во внимание происходящее в течение каждой эпохи преобразование исторического сознания, ценностных ориентаций и предпочтений. Наследие начинает интерпретироваться не как нечто консервативное и неизменное; оно превращается в довольно гибкое, способное к трансформациям явление, готовое адаптироваться к меняющимся условиям. Это, в свою очередь, провоцирует процессы формулирования и продвижения разнообразных концепций, создания методик исследования и практического использования наследия в разных сферах, которые порою существенно различаются между собой [5].

Соответственно, культурное наследие может рассматриваться как то, «что подлежит сохранению в настоящем» во имя возможности его использования в будущем, осмысления и погружения в него [2, 4], что представляет особую ценность для выживания «культурного генофонда» [5] и будет служить базой становления и развития потенциала «места». При этом будущее нередко скрывается в прошлом, формирующем ценности, установки и общие знания о мире, которые затем реализуются в будущем. Фактически будущее программируется опытом, пришедшим из прошлого. А сознательная установка, нацеленность на сбережение и одновременную ревитализацию собственного наследия могут обеспечить сохранение «памяти места» как своеобразного фундамента, первопричины его идентичности, позволяют продлить прошедшее в будущее при сохранении\поддержании базовых архетипов [11].

Поэтому при обсуждении будущего нашего наследия важно размышлять о том, как влияет прошлое на становление идеалов и образов будущего. Наряду с этим – размышлять о своеобразном «согласовании времен», рассматривании из настоящего, о прогнозах будущего в прошедшем, учитывая, что социальная перцепция

и конструирование восприятия «города грядущего» задается «дискурсом города прошлого» [14].

Future in the Past/будущее в прошедшем – этот странный парадокс одновременного пребывания в прошлом, настоящем и будущем, выделенный в английском языке в отдельное время, практически формулирует суть проблемы взаимодействия свершившегося и будущего, предстоящего через настоящее. Это, с одной стороны, позволяет говорить о нерасторжимости наших контактов с прошлым, реальности существования прошлого в настоящем и будущем; с другой – о возможности прогнозирования будущего в прошлом, а также о неразрывности этих линий в художественно-проектной реальности, постоянно пребывающей в прошлом, настоящем и будущем и являющейся предвидением и действительностью одновременно.

Прошлое в будущем

Перспективы и реалии существования прошлого в настоящем и будущем, жизнь прошлого в будущем, наше наследие – обсуждение этих аспектов охватывает ряд проблемных пространств.

– Наше будущее – в нерасторжимости наших связей с корнями, с прошедшим, в сохранении истории и традиций. В настоящее время это один из перспективных подходов к развитию цивилизаций. В ситуации глобализации мира обращение к аутентичности, идентификации места становится важным трендом, порождая процессы глокализации, проявления «эйдоса» места, его культурного кода.

Помимо реставрации и реконструкции наследия, занятых непосредственными процессами сохранения и восстановления исторических объектов, контекста и целостности среды, способствующих воспроизводству и трансляции идентичности «места», территории и нации, актуальными формами являются территориальный брендинг и дизайн-код городских пространств, которые призваны содействовать сбережению и поддержанию наследия и ценностей территории, их проявлению, включению в контекст современной жизни.

Брендинг территории, теория и практика, разнообразие подходов служат объектом исследования

текст

Ольга Железняк

Иркутский национальный исследовательский технический университет
text

Olga Zheleznyak

Irkutsk National Research Technical University

1. См. работы R. D. Abramson, S. B. Huttler, P. Howard, P. J. O’Keefe, D. Lowenthal, L. V. Prout, G. Reichelt, J. Toman, A. B. Бондарева, Д. Э. Гришанкова, И. И. Горловой, Д. Н. Замятина, А. Л. Зорина, А. А. Консергеновой, И. В. Леонова, Д. Лоуэнтала, А. А. Мазенковой, Е. Н. Мастеницы, С. А. Наумова и др.

отечественных и зарубежных специалистов (С. Анхольт, Д. Визгалов, С. ван Гельдер, М. Губергриц, К. Динни, Н. Замятина, В. Кулибанова, И. Логунцова, П. Родькин, Ф. Шарков и др.) подразумевают внедрение стратегий управления существующими ресурсами места, репутацией города и его имиджем [7], формирование уникального образа места, объединяющего прошлое территории с ее настоящим и будущим для повышения его инвестиционной и туристической привлекательности. К известным примерам можно отнести практики брендинга Барселоны, Мельбурна, Копенгагена, ребрендинг Амстердама и Хельсинки, для которых созданы аутентичные визуальные продукты, повсеместно применяемые сегодня [8]. Так, в новой айдентике Хельсинки с его «картинностью», эксклюзивной городской средой авторы апеллируют к графическим образам и цветовой гамме, позаимствованным из геральдики и колорита знаковой архитектуры города.

Набирающий популярность брендинг российских территорий также ориентирован на проявление идентичности места и сохранение наследия. В частности, образы красной «кружевной» птицы для Вологодской области служат символом духа и души, целостности историко-культурного наследия области. Они ориентированы на интеграцию архетипов патриархальной Вологды, городов-музеев Великого Устюга, Белозерска, Тотьмы и Кириллова, динамичного Череповца и пр. А логотип отражает приверженность православным традициям и семейным ценностям [8].

Наряду с этим в России создаются и более масштабные бренды. Наибольший интерес представляет широко известный «Туристический бренд России». Уникальный проект² в своей концепции апеллирует к супрематическому наследию в форме карты страны и сохраняет допетровскую кириллицу, встроенную в современный визуальный образ. На этапе реализации разрабатываются стратегия и айдентика, новейшие носители, дизайн туристических центров, выставочных стендов и МАФов.

Поиском культурной айдентики и сохранению наследия через внедрение дизайн-кодов городов посвящены современные разработки по историческим городам при комплексном решении проблем реорганизации и благоустройства среды, прогнозирования развития урбанизированных территорий. Дизайн-код при этом представляется основным структурным элементом городской айдентики. Он призван «беречь памятники культуры» и «проявлять уникальность места», сохранять, воспроизводить и транслировать его архетипы и наследие. Дизайн-код способствует погружению и встраиванию наследия в современную жизнь, подчеркивает специфику места, препятствует визуальному замусориванию среды. Он призван «делать акцент на историю, архитектуру, культуру и развивать уникальные черты города, формируя его имидж» [15]. Это непосредственно касается исторических сред и памятников/объектов, формирующих имидж города, позволяя по интерьеру городских улиц проследить историю места и проявить следы знаковых для города событий. Дизайн-код отражает характерные особенности города, ставшие его культурным достоянием. Например, в Зарайске и Старой Руссе дизайн-код ориентирован на сохранение уникальных фасадов с резьбой, превратившихся в неизменную часть образов обоих городов, их айдентики для горожан и туристов, позволяет уберечь наследие и повысить его привлекательность [6].

Один из первых в России дизайн-кодов разработан Студией Артемия Лебедева для Москвы в 2014 году и направлен, прежде всего, на формирование концепции расположения рекламных конструкций и информации, идентифицирующей город. Дизайн-код Санкт-Петербурга предусматривает благоустройство каждого фрагмента

города с учетом уникального архитектурного контекста, исторически сложившейся специфики места. Неизменным компонентом дизайн-кода Санкт-Петербурга служит праздничное оформление, которое трактуется как целостный образ, как уникальная интерпретация архитектурно-градостроительного ансамбля города и его пространственной организации. Разработанный бюро «ATLAS» дизайн-код исторического центра Оренбурга также ориентирован на сохранение архитектурной специфики улиц города, включает в себя формирование аутентичной визуальной среды, проявление исторических особенностей.

Сегодня дизайн-коды существуют уже в ряде российских исторических городов: в Воронеже он начинает действие с 2015, с 2017 года – в Саратове, Нижнем Новгороде, с 2018 – в Челябинске, Белгороде, Ижевске, с 2019 года дизайн-код введен в Калининграде, Иваново и Тобольске, с 2020 – в Архангельске и других городах, что способствует сохранению историко-культурного наследия, уникальности этих городов, их идентификации.

– Проблемы сохранения наследия в мире современных технологий и быстро меняющихся представлений и ценностей, в контексте глобализации и становления идеалов идентичности является следующим ракурсом, раскрывающим реалии проживания «прошедшего в будущем».

Новые технологии интенсивно вторгаются в решение проблем современной жизни наследия, начиная с тотальной цифровизации/оцифровывания реальности, внедрением гаджетов/технологий в повседневную жизнь и заканчивая 3D-печатью, созданием копий исторических образцов.

Архитекторы, дизайнеры и другие создатели современной среды исторических городов ищут способы и формы улучшения качества жизни с применением технологий. Кроме того, цифровые технологии позволяют облегчить сохранение объектов наследия, их идентификацию и предоставление информации об истории, специфике и местоположении объекта с помощью цифрового картографирования. Подключенные цифровые системы также помогают обеспечить наиболее безопасную и комфортную среду, в т. ч. для туристов.

Инновационные технологии активно применяются при обследовании и проектировании зон охраны для памятников культуры, объектов наследия в городе, при создании виртуальных моделей. Использование различных гаджетов и мобильных приложений позволяет информировать горожан и туристов об объектах наследия и предоставляет доступ к виртуальным путешествиям по памятнику в режиме реального времени. Применяя виртуальную и дополненную реальности, возможно совершать виртуальное знакомство с объектами наследия, просматривать объекты исторического наследия через цифровые устройства и получать специальную информацию о памятниках.

Все большую популярность приобретает культурный туризм, повышая значимость исторического наследия из-за увеличения количества путешествующих с целью знакомства с его объектами. В связи с этим для сохранения наследия и удобства туристов во многих городах внедряются проекты «умных городов». В частности, в Барселоне цифровая платформа позволяет генерировать интерактивные впечатления, возникающие при контакте с объектами наследия; в Амстердаме с помощью цифровых технологий воссоздаются захватывающие ощущения от путешествия по историческим каналам.

При этом, при всех плюсах, связанных с увеличением возможностей виртуального контакта с объектами культурного наследия, цифровизация ведет ко все большей подмене процессов реального общения с культурным наследием форматом виртуальных коммуникаций, что зна-

2. Авторы В. Лифанов (Suprematika), Е. Мызник (Plenum), И. Лазученков (Plenum), Д. Шлесберг (Артоника), Э. Кагаров (Студия Артемия Лебедева) и шрифтовой дизайнер С. Рассказов.

^ Колизей. 1853–1855. Фото Tommaso Cuccioni, Pietro Dovizielli (<https://clck.ru/3F5TRM>)

^ Колизей. Состояние на 2008. Фото автора

чительно трансформирует представление об объекте/памятнике культуры.

– Следующий важный аспект – это встроенность исторической архитектуры в современный городской контекст и современную жизнь, что охватывает проблемы исторических городов/сред, их культурного и туристического потенциала, представление архитектуры как контейнера, наличие деградирующих сред и способов их ревалоризации.

Конечно, тема сквоттинга и использования исторических зданий в качестве контейнеров не является порождением, «находкой» нашего времени. Еще Колизей, «вечный символ Рима», построенный в центре города, где ранее располагался «Золотой дом Нерона» – дворцово-парковый комплекс с прудом, демонстрирует нестандартное и разнообразное функциональное использование объекта не по прямому назначению, т. е. как контейнера. Воздвигнутый на месте водоема грандиозный амфитеатр на несколько столетий превращается в центральное увеселительное заведение Рима вплоть до 523 года. Зброшенное после этого здание вскоре занимают горожане, которые устраивают в нижних уровнях торговые лавки, мастерские ремесленников и овощехранилища. На верхних ярусах Колизея размещается импровизированное жилище рабочих. В XVI в. Скамоцци с благословения папы предлагает устроить в стенах Колизея идеальный город. Позднее Бенедикт XIV берет Колизей под защиту, освящает его, устанавливает на арене алтари и крест в память о замученных христианах и закладывает традицию проведения крестного хода вокруг Колизея. Сегодня Колизей является культурным достоянием мира и главной туристической достопримечательностью Рима, местом проведения массовых праздников и торжеств.

Проблемы реновации/ревалоризации, использования архитектуры и городской среды как своеобразных контейнеров становятся чрезвычайно актуальными в настоящее время и могут достигать самых разных масштабов – от отдельных зданий до целых городов.

Практически в каждом городе сегодня найдутся выведенные из строя, нефункционирующие фабрики, заводы, ГЭС, элеваторы, заброшенные портовые зоны и др. с ка-

чественной архитектурой в довольно хорошем состоянии, которые занимают дорогостоящие участки в центре городов. Сохранение этих зданий как части городского наследия, определяющего аутентичность среды, и редевелопмент как изменение назначения этих сооружений продвигают идеалы защиты, поддержания архитектурного наследия и превращают их в своеобразные точки роста для городов, формируя новые социальные объекты, виды производств и современное жилье.

Как уникальные контейнеры используются исторические здания, в т. ч. комплексы тюрем, преобразованных, в частности, в необычные отели, воплощающие самые изощренные фантазии и мечты. Примером может служить отель Malmaison Oxford (Великобритания) – превосходный тематический бутик-отель с эксклюзивными номерами, размещенный в переоборудованных корпусах викторианской тюрьмы, расположенной в историческом центре Оксфорда. В отеле со стильными номерами одновременно можно получить номер в бывшей камере для любителей экстремальных приключений; необычные ощущения можно пережить также в номерах бэйсмента, где вместо окон – маленькие бойницы практически под самым потолком.

Исторические здания-контейнеры способны вместить необычайно широкий спектр функций. Так, древние торговые ряды и гостиные двory нередко преобразуются в универсальные магазины (например, универмаги Seibu) [1] или культурные центры; производственные здания и комплексы превращаются в креативные кластеры и коворкинги. Например, кластер «Этажи» с кинопоказами, театральными постановками, дружескими «барахолками», с концертами и фестивалями на крыше возникает в помещениях бывшей пекарни. Креативное пространство «Благосфера» (Москва, Боткинский проезд) – центр развития благотворительности и социальной активности – располагается в бывшей фабрике-кухне, историческом здании, объекте культурного наследия эпохи конструктивизма, которая в советское время относилась к Государственному авиазаводу.

Редевелопмент архитектурного наследия становится актуальным мировым трендом, и специалисты стремятся придавать новую жизнь, образы и функции старинным

^ «Умный город» Songdo. Central Park (<https://clck.ru/3F5TE3>)

^ «Линейная перспектива» из прошлого в будущее. «Северный луч» в Ереване: Северный проспект. Фото автора

зданиям, используя не только сооружения «ржавого пояса» и промздания, но и находящиеся на территории многих европейских стран исторические замки и виллы, которые удастся сохранять за счет инноваций и нового функционального наполнения.

Из прошлого в будущее

Прогнозирование и предсказуемость будущего, в т. ч. образов архитектуры и развития городов, художественно-проектные реальности как формы предвидения могут представлять еще один дискурс обсуждения и исследования будущего в прошедшем и будущего уже свершившегося. Это является важной формой существования и будущей жизни наследия, определения тех идеалов и ценностей, которые могут быть востребованы в будущем и для этого должны быть сохранены в настоящем [2]. Различные виды художественно-проектной реальности, будучи одним из способов формирования грядущего из уже прошедшего, вольно или невольно закладывают идеалы/представления образов будущего в сегодняшнее сознание, формируют стереотипы и клише либо «провидят» будущее в проектах и футуристических произведениях, становясь своеобразными формами прогнозирования предстоящего из прошлого.

– Показательным примером вечного прогноза человечества, провидения будущего являются Идеальные города, первые предсказания которых появляются в Библии, в описаниях идеального города, города-Рая – Иерусалима с улицами из прозрачного стекла. Описания и проекты идеальных городов как своеобразных форм концентрации представлений о перспективах и возможностях идеального развития мира (в т. ч. архитектурно-градостроительной/художественно-проектной сферы,) актуальны в любое время.

Основы античных концепций идеального города закладываются Платоном в системах идеальной жизни в городе-государстве на острове Атлантида. Для средневековой Индии характерно построение моделей идеальных городов (сельских поселений, укрепленных городов и городов-крепостей) в соответствии с трактатом «Манасара – Шильпаштра». В основу такого построения положены мандалы, задающие восемь базовых типов

планировок, среди которых – кармука (город у реки), прастара (укрепленный административный центр), падмака (военный форт), дандака (деревня для брахманов).

Идея города-рая, идеальные модели поселений находят свое развитие в разработках проектов идеальных городов у Гипподама Милетского, создавшего одну из первых утопий [10]; Леона Баттиста Альберти, который по заказу Пия II формирует образ идеального города для переустройства деревни Корсиньяно в новый идеальный город Пиенца. В «Сфорцинде» Филарете как воображаемом городе, месте встречи существующего и будущего, метафоре города [13]; в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы. Идеальные образцы мироустройства Нового времени появляются в «Утопии» Томаса Мора, в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, в работах Ш. Фурье и Р. Оуэна, в городе Шо К.-Н. Леду. В XIX–XX вв. концепции идеального города получают развитие в «городах-садах» Э. Говарда, идеальных образах Т. Гарнье («соц-город», «линейный город», «индустриальный город»), в «лучезарном городе» Ле Корбюзье; в японском метаболизме; в новой системе расселения НЭР А. Бабурова, А. Гутнова, И. Лежавы, С. Садовского, З. Харитоновой; в футуристических проектах группы «Аркигрэм»; в фантастических проектах будущего («компьютер-сити», «шагающий город», «плаг-ин-сити») и пр.

Не меньший интерес представляют тексты научно-фантастических романов. Так, в цикле произведений С. Лема «Кибериада» [12] замысел-прогноз будущего как становление киберцивилизации и *cybercity* доведен до идеала в формировании идеального общества, которому соответствуют идеальные здания, города и целые планеты. Самостоятельную линию существования города как идеального представления составляют «города-гипотезы», которые нередко рассматриваются в качестве прогнозов развития территорий [9].

При этом предсказанные в прошлом в различных футуристических прогнозах «умные дома», «регулируемые/умные города» сегодня становятся реальностью и перспективой будущего развития. Одним из первых примеров воплощения в жизнь идеальной модели «умного города» может служить г. Сонгдо, расположенный, как многие классические примеры идеальных

^ «Северный луч» в Ереване: Северный каскад. Фото автора

^ «Северный луч» в Ереване: Северный каскад. Арт-пространства. Фото автора

городов, на искусственном острове в 50 км от столицы Южной Кореи. Это зеленый экологичный город с единой информационной сетью, соединяющий все строения в цельный кластер, который активно применяет возобновляемые источники энергии и внедряет «технологии телеприсутствия».

Образы идеального города в представлениях студентов – будущих профессионалов (дизайнеров ИРННТУ) отражают не только их «прозрения» будущего, но и проблемные точки современной среды и мироустройства, а также общие тренды и представления сегодняшнего дня. В частности, значительная часть студентов при создании своих концептов отсылает нас к идеалам экологичности, природосообразности и толерантности, к историческому наследию, к аутентичности и региональной закреплённости образа. Многие образы идеального города пронизаны ностальгией по уходящей старинной архитектуре и мечтами об уютных исторических городах.

– Важной формой движения из прошлого в будущее являются градостроительные концепции, проекты и их реализации.

Градостроительные проекты новых городов нередко становятся своеобразным продолжением и развитием темы «идеальных городов», ее реализацией; например, Чандигарх – «Город красоты» Ле Корбюзье, или Бразилиа, новая столица и резиденция правительства Бразилии, которая задумывается проектировщиками (Л. Коста и О. Нимейер) как идеальный город.

Среди российских городов, спланированных как идеальный образец/модель будущего, и построенных «с нуля» как столица, помимо Санкт-Петербурга, можно выделить Магас, столицу Ингушетии – один из молодых городов РФ и, одновременно, один из самых древних на Северном Кавказе, возрожденная столица древней Алании.

Проекты нового урбанизма как составляющие специфических идеальных картин города, его будущего, профессионально задуманные и зафиксированные в концепциях развития и генпланах, служат связью, движением из прошлого в будущее.

Пример тому – Парижская историческая ось («Триумфальный путь», «Королевская перспектива Парижа»), условная линия, пронизывающая время, соединяющая Лувр и Арку Дефанс, история которой начинается в XVII в. с аллеи сада Тюильри, идущей на северо-запад от Лувра. Затем появляются Елисейские поля, Королевская площадь, площадь Звезды; а в 1980-х годах ось завершается Большой аркой в новом квартале Дефанс.

Актуальные для Приангарья проекты модернизации («Иркутские кварталы», кампус ИРННТУ, «Байкальский луч» и др.), будучи перспективными стратегиями развития территории, встраиваются в программы формирования ее будущего (из прошедшего и настоящего), к которым нередко возвращаются проектировщики. Так, Байкальский луч, задуманный еще В. Воронежским, В. Бухом и В. Павловым, определявший расширение Иркутска по направлению к Чертугеевскому полуострову, по сей день рассматривается как перспективная площадка для развития, размещения делового центра, социально-культурных объектов и уникальной жилой застройки.

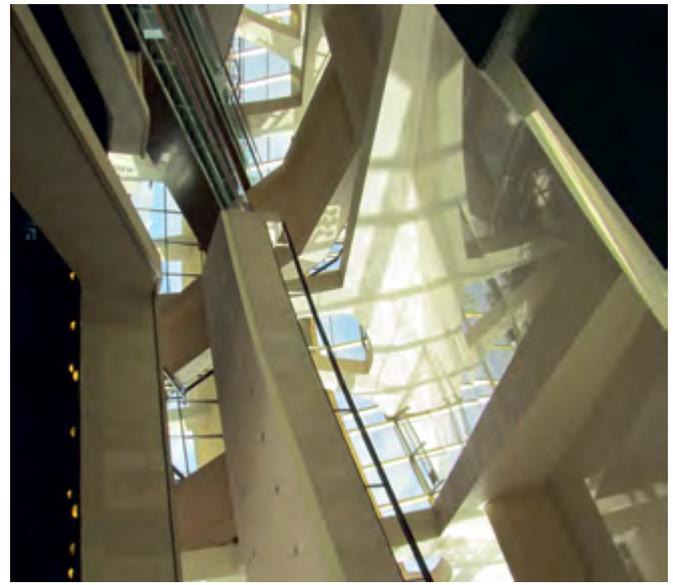
Еще одна «линейная перспектива» из прошлого в будущее – «Северный луч» в Ереване, запроектированный еще Александром Таманяном в 1924 как композиционная ось города в направлении «север-юг» через Канакерские холмы с системой водопадов, ступенчатых переходов и цветников, связывающая центр Еревана с северными районами.

Северная ось начинает формироваться с 1930-х; сейчас ее контуры (Каскад и Северный проспект) уже считываются визуально и на карте города. Запланированный А. Таманяном, Северный проспект прорублен в 2000–2007 через традиционные исторические переулки и дворики. Второй частью этого луча является хорошо известный ныне «Северный каскад», заложенный в генеральном плане 1924 года как «торжественное завершение» центральной оси города. В 1960-х образ Каскада начинает складываться: у подножья формируется улица Таманяна, по оси комплекса устанавливается обелиск, посвященный 50-летию Советской власти. Собственно, проект каскада разрабатывается в 1970-х³ и включает 5 террас – музеев, галерей под открытым

3. Архитекторы Дж. Торосян, С. Гюрзаян, А. Мхитарян.

^ Цицернакаберд. Мемориал, посвященный жертвам геноцида армян 1915. Ереван, Армения. Фото автора

^ Спортивно-концертный комплекс им. Карена Демирчяна. Интерьер. Ереван, Армения. Фото автора

небом и рекреаций с фонтанами, бассейнами и цветниками, а также внутренние пространства с развитой социально-культурной функцией. Строительство начинается в 1980-е годы, но вскоре приостанавливается; в 2002 году по инициативе и при финансовой поддержке Дж. Гафесяна работы возобновляются. При этом вместо привычного розового туфа в архитектуре каскада применяется белый травертин, что создает выразительный и запоминающийся образ. Сегодня Каскад представляется важным имиджевым объектом Еревана, популярным арт-пространством, рекреационной зоной и историко-культурным памятником, «возвращаемым» городом в течение почти ста лет от концепции до реализации и освоения, органично встроенным в контекст, в целостный образ города и современную городскую жизнь.

В целом архитектурно-градостроительная деятельность фактически является непрерывным движением из прошлого в будущее, своеобразным прогнозированием жизни прошедшего/состоявшегося в будущем.

– Своеобразным «Future in the Past» также являются собственно архитектурные сооружения и среды, т. к. любой проект до момента его реализации становится «забросом» в будущее из прошлого, воплощением будущего в прошедшем и одновременно в той или иной степени задает будущее, перспективы его жизни, уже состоявшегося развития. Попыткой такого предвидения будущего из прошлого, футуристическим идеалом становится советский модернизм – рационально-брутальный, функционально-аскетичный и фантастический одновременно. Многие исследователи считают его утопией, рожденной послевоенной эйфорией и идеологией социального оптимизма, реакцией на стремление построить «новый дивный мир», ярким примером которого является «космическая архитектура» советского Еревана, образующая уникальный музей программных построек советского модернизма и менее известных рядовых сооружений.

Эту архитектуру отличают необычные футуристические интерпретации культурных традиций, этнических образов и местной айдентики, стремление проявить связь архитектуры с контекстом, встроить ее в окружающую среду. Ими в равной мере пронизаны композиция объектов,

планировочная структура, их объемно-пространственные и конструктивные решения.

Среди наиболее известных сооружений – Дом молодежи⁴ с цилиндрической башней, в народе называемый «кукурузой», и соподчиненными ей формами спортивного и зрительного залов, продиктованными значимостью объекта, градостроительной ситуацией и сложным рельефом [3]; терминал международного аэропорта Звартноц⁵ – аэропорта «небесных ангелов», настоящего символа Еревана, отсылающего к образам средневекового храма Звартноц; Цицернакаберд⁶ – символ скорби и возрождения. Мемориал, посвященный жертвам геноцида армян на территории Османской империи, состоит из святилища с вечным огнем; базальтовой стены памяти из гигантских плит-хачкаров, означающих «траур в память о погибших», и стелы-obeliska «Возрождение Армении». Мемориал идеально гармонирует с окружающим ландшафтом и городским контекстом и служит неотъемлемой частью жизни Армении, сохранения ее культурной идентичности.

Еще одна икона армянского модернизма – спортивно-концертный комплекс им. Карена Демирчяна⁷, расположенный на холме Цицернакаберд у Разданского ущелья. Парусообразные формы здания, судя по эскизам авторов, вдохновлены образом орла – символа царского рода Аршакуни и патриаршей власти католикоса. Помимо уникального внешнего вида здание отличают оригинальные архитектурные и инженерные решения, самобытные интерьеры, стильное освещение и барельеф «Возрождение» на стене из красного туфа на главном фасаде комплекса.

Современное состояние сохранившихся объектов нередко оставляет желать лучшего, но их вклад «из прошлого» в формирование идеалов и образов современной среды, их встроенность в будущее архитектуры неопценимы.

Т. о., два дискурса – будущее в прошедшем и будущее прошедшего, «Future in the Past» и «Future of the Past» – раскрывают, на наш взгляд, суть процессов взаимодействия прошедшего/прошлого, настоящего и будущего/предстоящего, существования наследия, воз-

4. 1983. Архитекторы А. Тарханян, С. Хачикян, Г. Погосян, М. Закарян.

5. 1983. Архитекторы А. Тарханян, С. Хачикян, Г. Погосян, Л. Черкезян, Ж. Шехляян, А. Тигранян, А. Месчян.

6. 1967. Архитекторы А. Тарханян, С. Калашян.

7. 1976–1983. Архитекторы К. Акопян, А. Тарханян, С. Хачикян, Г. Погосян и Г. Мушегян.

< Спортивно-концертный комплекс им. Карена Демирчяна. Ереван, Армения.
Фото автора

возможностей его сохранения как системы айдентики через брендинг территорий и дизайн-код места, встраивания в новую, современную жизнь. Они позволяют спрогнозировать то, что подлежит сохранению, будущую жизнь наследия, а также представить художественно-проектную и архитектурно-градостроительную деятельность и результаты этой деятельности как прямые, непосредственные «забросы» в будущее, позволяют говорить о способности художественно-проектной реальности предвидеть/предсказывать будущее и быть перспективной реальностью для будущего.

Литература

1. Suzuki, Akira. Tokyo: New Urban Structures // Present and futures. Architecture in Cities. – Barcelona, 1996. – P. 230–235.
2. Howard, P. Heritage: management, interpretation, identity. – London : Continuum, 2003. – 288 с.
3. Армен, Э. Архитектура общественных зданий Армении. – URL: https://tatlin.ru/articles/architektura_obshhestvennykh_zdanij_armenii (дата обращения: 25.10.2024).
4. Гордин, В. Э., Матецкая, М. В., Хорева, Л. В. Сохранение и развитие культурного наследия в территориальных сообществах как база развития культурного туризма. – URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/14/1217178278/Gordin_Matetskaya_Khoreva_apr_2010.pdf (дата обращения: 03.11.2024).
5. Горлова, И. И., Зорин, А. Л. О трактовке понятия «культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы // Культурное наследие России. – 2020. – № 3. – С. 3–12.
6. Дизайн-код для городов. Студия Артемия Лебедева. – URL: <https://img.artlebedev.ru/gos/als-design-code.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).
7. Динни, К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 398 с.
8. Друганова, М. Бренд города: что это и как он создается. – URL: <https://plenum.ru/blog/branding-goroda/> (дата обращения: 18.11.2024).
9. Железняк, О. Е. Идеальный город и цветовые парадигмы в концепциях «новых миров» // Утопические проекты в истории культуры: материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Ростов-на-Дону; Таганрог : Изд. Южного федерального университета, 2019. – С. 116–118.
10. Капустин, П., Багина, Е. Гипподам Милетский: щит города и ткань истории. // Проект Байкал. – 2024. – 21 (81). – С. 122–130. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/81.2399>
11. Культурное наследие – от прошлого к будущему. – Москва – Санкт-Петербург : Институт Наследия, 2022. – 390 с.
12. Лем, С. Кибериада. – Москва : АСТ, 2010. – 192 с.
13. Патронникова, Ю. Между идеалом и реальностью: «Трактат об архитектуре» Филарете и другие градостроительные проекты эпохи Возрождения // Искусствознание. – 2016. – № 4. – С. 82–109.
14. Савченко, И. Текстология города будущего: ретрофутуризм как алгоритм // Проект Байкал. – 2024. – № 21 (80). – С. 102–107. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2339/>
15. Щербинин, Э. М. Дизайн-код как средство развития комфортной городской среды и способ формирования городской айдентики // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2024. – № 2. С. 59–69.

References

- Armen, E. (2023). Arkhitektura obshchestvennykh zdaniy Armenii [Architecture of public buildings in Armenia]. TATLIN. Retrieved October 25, 2024, from https://tatlin.ru/articles/architektura_obshhestvennykh_zdanij_armenii
- Artemy Lebedev Studio. (2022). Dizain-kod dlya gorodov [Design code for cities]. Retrieved November 12, 2024, from <https://img.artlebedev.ru/gos/als-design-code.pdf>
- Dinnie, K. (2013). *Branding territories. Luchshie mirovye praktiki [Branding of territories. Best world practices]*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Druganova, M. (2021). *Brend goroda: chto eto i kak on sozdaetsya [City brand: what it is and how it is created]*. Plenum. Retrieved November 18, 2024 <https://plenum.ru/blog/branding-goroda/>
- Gordin, V. E., Matetskaya, M. V., & Khoreva, L. V. (n.d.). Sokhranenie i razvitie kulturnogo naslediya v territorialnykh soobshchestvakh kak baza razvitiya kulturnogo turizma [Preservation and development of cultural heritage in territorial communities as a basis for the development of cultural tourism]. HSE University. Retrieved November 3, 2024, from https://www.hse.ru/data/2010/05/14/1217178278/Gordin_Matetskaya_Khoreva_apr_2010.pdf
- Gorlova, I. I., & Zorin, A. L. (2020). About treatment of the concept 'cultural heritage' in contemporary humanities: theoretic-methodological approaches. *Cultural Heritage of Russia*, 3, 3-12.
- Howard, P. (2003). *Heritage: management, interpretation, identity*. London: Continuum.
- Kapustin, P., & Bagina, E. (2024). Hippodamus of Miletus: The shield of the city and the fabric of history. *Project Baikal*, 21(81), 122-130. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/81.2399>
- Kulturnoe nasledie – ot proshlogo k budushchemu [Cultural heritage – from the past to the future]*. (2022). Moscow; St. Petersburg: Institute of Heritage.
- Lem, S. (2010). *Cyberiada*. Moscow: AST.
- Patronnikova, Yu. (2016). Between ideal and reality: Filarete's Libro architetonico and other urban planning projects of the Renaissance. *Art Studies*, 4, 82-109.
- Savchenko, I. (2024). Textual history of the future city: Retrofuturism as an algorithm. *Project Baikal*, 21(80), 102-107. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/80.2339/>
- Shcherbinin, E. M. (2024). Design code as a means of developing a comfortable urban environment and a way of forming an urban identity. *Bulletin of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov*, 9(2), 59-69.
- Suzuki, A. (1996). Tokyo: New Urban Structures. In *Present and futures. Architecture in Cities* (pp. 230-235). Barcelona.
- Zheleznyak, O. E. (2019). Idealniy gorod i tsvetovye paradigmy v kontseptsiyakh 'novykh mirov' [Ideal city and colour paradigms in the concepts of 'new worlds']. *Utopian projects in the history of culture: Proceedings of the II All-Russian (with international participation) scientific conference* (pp. 116-118). Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University.